

ставлен большой пласт древней лексики, унаследованной из эпохи праславянского языка. В отдельных случаях Средний Урал является единственной территорией, на которой функционируют редкие архаизмы, неизвестные русским говорам, слабо засвидетельствованные на славянской территории. Лексика русских говоров Среднего Урала обогащает наши знания о структуре и составе славянских этимологических гнезд.

С.А. Мызников

ЛЕКСИКА ФИННО-УГОРСКОГО И ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ (Разграничение и определение конечного источника)

Лексические пласты финно-угорского и тюркского происхождения составляют в русских диалектах основной массив слов неисконного происхождения. В большинстве случаев они фиксируются изолированно друг от друга, расходясь тематически и ареально. Кроме того, различен и статус этих двух иноязычных пластов в общерусской макроструктуре. Лексика финно-угорского происхождения вошла только в маргинальные севернорусские говоры со вторичным распространением в русских говорах Сибири. В стандартном языке утвердилось незначительное число слов из этой группы языков, в основном из коми языка: *чага, пельмени, тусс*¹. В русских говорах эта лексика на материнской территории Северо-Запада России довольно статична в пространстве, дифференцируясь ареально по различным производящим языковым (диалектным) типам, представляет большей частью лексический массив субстратного происхождения.

Тюркские лексемы в общенародном языке образуют огромный пласт², обычно общетюркского типа. И только в русских говорах можно выделить лексические единицы, в основе которых лежит живое адстратное влияние смежных тюркских языков, ср., например: рус. *антраш, антыра́к, аптарагáн* 'выражение озадаченности, недоумения, растерянности' (Башкирия), при тат., башк. *антыраш* 'растерянность, замешательство, затруднение'³. И если этот ряд слов чаще всего ареально ограничен, то большинство тюркизмов фиксируются по всей макроструктуре русских говоров. Такая свободная ареальная дистрибуция предполагает их квалификацию как заимствований. Работа над этимологией русских диалектных слов финно-угорского происхождения (традиционно трактующимися таковыми) в ряде случаев показала, что при поиске конечного источника тюркские и финно-угорские данные иногда близки по форме и семантике, при том, что они не являются результатами взаимовлияния⁴. Если ареал такого русского диалектного слова локализован на территории севернорусских говоров, то схожесть тюркских и финно-угорских материалов чаще всего не оказывает влияния на выработку этимологической версии, поскольку ограниченная дистрибуция в диалектно однотипном регионе, может быть использована в качестве ее верификации. Так, например, слово *арбу́й* 'колдун, языческий жрец', отмечаемое в псковских говорах [печор. пск – СРНГ; гдов – ПОС] (первая фиксация в Грамоте архиепископа Новгородского Макария в Водскую пятину

¹ См.: *Kalima J.* Syrjänsches Lehngut inrussischen // FUF. 1927. № 18. S. 1–56.

² См.: *Шунова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

³ Словарь русских говоров Башкирии. Уфа, 1992. Вып. 1. С. 4–5.

⁴ В задачу статьи не входит анализ тюркских заимствований в финно-угорских языках.

под 1534 г. [СлРЯ XI–XVII вв.]), традиционно возводится к вод. *arpoja* ‘прорицатель, предсказатель’¹; ср. также эст. *arbja, arbujä* ‘предсказатель, колдун’, лив. *aŗbī* ‘колдун, чародей’, при удм. *urveš, urbet’š* ‘дух, вызывающий болезнь; обряд жертвоприношения, изгоняющий этот дух’, венг. *orvos* ‘врач’, венг. диал. *urus* ‘волшебник’ [SKES, 24–25]. Причем прибалтийско-финское гнездо сопоставляется с германскими данными, ср. норв., швед., дат. *arv* ‘наследство’ [SSA, 1, 83], на наш взгляд, без должной аргументации. Но, кроме того, имеются и тюркские материалы, сходные по форме и семантике с финно-угорскими, ср. тюрк. *арба* ‘колдовать, предсказывать, заговаривать’, ‘давать советы, советовать’, ‘бранить, выразить неудовольствие на кого-л., порицать’, ‘уговорить, льстить, обмануть’, ‘рассказывать сказки’, *арбау* ‘хитрый ответ, колдовство’, *арбазы* ‘колдун’ [Радлов, 1, 335–336], тур. *arba* ‘колдовать, заклинать, предсказывать’, *orba* ‘бубен, трещотка колдуна’, уйгур. *arviš* ‘колдовство’, якут. *arbā* ‘приносить в жертву’ [SKES, 25], однако, оставляя в стороне вопросы первичности (или взаимной соотнесенности)² тюркских и финно-угорских данных, для слова *арбуи* следует предпочесть источники эстонско-водского типа.

В ряде случаев слова, первично этимологизируемые как данные финно-угорского происхождения, имеют широкую дистрибуцию не только на автохтонной территории Русского Севера, но и в русских говорах Урала, Сибири и других регионов вторичного заселения. Однако нередко зафиксированная там лексика, при сохранении или сходстве семантики, значительно отличается по форме от севернорусских данных. И поэтому при определении конечного источника для такого рода материала встает закономерный вопрос, имеем ли мы дело с вариативностью формы этимологически одной и той же единицы финно-угорской природы или возможна иная ее трактовка? Так, например, в Кондопожском районе Карелии фиксируется лексема *сáйца* ‘мыло’ [КСРГК], по СРНГ отмечается *сáйна* ‘мыло черного цвета из ворвани с золою’ в Кемском, Кольском уездах Архангельской губернии; на Урале, в свою очередь, находим следующие данные: *сабын* ‘мыло’ (Челябинская область), *саба* ‘мыло’ (Башкирия) по КСРНГ. Севернорусские материалы Фасмер возводит к фин. *saippua, saipua* ‘мыло’ [Фасмер, 3, 546], однако, на наш взгляд, нельзя исключать возможность влияния саамских источников, ср. саам. швед. *saipo*, саам. лул. *saipō* ‘мыло’ [SKES, 947]. Причем прибалтийско-финский и саамский материал неисконен, ср. англ. *soap*, швед. *såpa*, ср.-ниж.-нем. *sēpe*, откуда сходный вокализм эст. *seep*, ген. *seebi*, ливск. *zēp* ‘мыло’ [SKES, 947]. Германский источник восходит к латин. *sebum* ‘нутряное сало’, ср. нем. совр. *Seife* ‘мыло’ [EONDS, 879], другая латинская форма, *sapo*, описываемая Плинием как смесь из сала, золы и сока деревьев для окраски галлами волос перед битвой, послужила источником для данных романского типа, ср. франц. *savon* ‘мыло’, итал. *sapone* [DELF, 653], молд. *сэпун* ‘мыло’, ст.-слав. *сапоунъ*, болг. *сапун*, с.-хорв. *сáпун* [ДЕЛМ, 415–416]. Уральские данные не связаны с приведенными выше романо-германскими источниками, их следует трактовать как материалы тюркского типа, ср. тат. *сабын*, тур., азерб. *сабун* ‘мыло’, при чуваш. *сунань*, *сунан* и мар. *шовын* ‘мыло’, при том, что тюркское гнездо рассматривается как заимствование из арабско-или персидского языков [ЭСЧЯ, 196].

В ряде случаев русская диалектная лексика, представленная в виде нескольких фонетических и деривационных вариантов со сходной, но не тождественной семантикой, не имеет убедительной этимологической трактовки. Ареал ее достаточно широк: от первичных севернорусских говоров до русских говоров Сибири, донских говоров. А

¹ *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter in Russischen. Helsingfors, 1915. S. 79.

² Причины сходства тюркских и финно-угорских данных не анализируются.

имеющиеся версии ее происхождения связывают ее как с финно-угорскими, так и с тюркскими данными. Например, наименование шпангоута в лодке, барке представлено в виде следующих вариантов: *тузун* [Плес – КСРГК]; [Пудож – Куликовский]), *тызун* [Пудож – КСРГК], *тазун* [Арх – Даль; Шенк – Подвысоцкий; Дон – Миртов; Дельта Дуная – Гриценко], *тазунь* [СРГНО], кроме того, со сходной семантикой в КСРНГ имеется лексема *тузунь* 'обручи, на которых лежат продольные доски телеги' (Костром.). Фасмер не дает этимологической версии к материалам Даля и Подвысоцкого [Фасмер, 4, 9]. Аникин, приводя неубедительные, по его мнению, факты (удм. *тугым* 'распорка в лодке', коми *туган* 'верхушка стоячего дерева, молодой побег хвойного дерева'), также считает данный материал неясным [Аникин 2000, 522]. На наш взгляд, первичный вокализм русского слова представлен в варианте *тузун*, что позволяет сопоставлять его с прибалтийско-финскими данными, ср. вепс. *tugi, t'ügi* 'подпорка', мотивированное глаголом, вепс. *t'üg'eta, tug'eta* 'подпирать' [СВЯ, 587], ливв. *tukki* 'сплавное бревно, жердь', 'мельничная ось', 'ружейный приклад', 'круглая деревянная часть в ткацком станке, на которую наматывается полотно', фин. *tuki* 'подпора, подпорка, стойка, упор, опора' [SKES, 1387; ФРС, 655], фин. диал. *tukki* 'ствол дерева, обломанный и со срубленными сучьями', 'обрубок бревна', 'жердь', 'круглая цилиндрическая деталь или часть машины, механизма'. В прибалтийско-финских языках это гнездо восходит к скандинавскому влиянию, ср. швед. *stock*, швед. диал. *stukk* 'подпора, подпорка, жердь, чурка, используемая при рубке леса'; шведские данные служат также источником для саамских, ср. саам. швед. *stuokke*, саам. инар. *stokke*, саам. кольск. *sto³кк¹* 'ствол дерева', 'сплавное бревно', 'высохший гнилой ствол березы' [SKES, 1387]. Материалы Даля, не имеющие географической пометы, – *тузун* 'распорка в воротах меж стоек в плотине' [Даль, 4, 451], на наш взгляд, также можно отнести к приведенным выше русским диалектным данным, и вряд ли обоснована тюркская этимология этой лексемы, представленная Шиповой: ср. каз. *тыгын* 'затоп на реке для ловли рыбы', кирг. *тогон*, *тогоон* 'плотина', тур. *tikanik* 'заткнутый, закупоренный, загороженный; засоренный', каз. *тоган* 'пруд, запруда' [Раллов, 3, 1305; Шипова, 329]. Доминирующим в лексеме *тузун* (по Далю) с точки зрения предметно-тематической соотнесенности является значение 'распорка', находящее соответствие в прибалтийско-финских языках, в то время как этимологическая основа тюркских данных базируется на семантике 'запруда, плотина', которая вряд ли связана с русским диалектным материалом. Кроме того, подтверждает прибалтийско-финскую версию и ареальная дистрибуция рассматриваемых данных – материнским севернорусским ареалом и с вторичным распространением на восток и юг по водным путям (в проанализированном случае).

В качестве примера распространения севернорусской лексики в южном направлении вплоть до Причерноморья можно привести лексемы *турбák* 'рыба голавль' [Луж. Петерб. – КСРНГ], *турбень* 'вид рыбы' [НОС, 11, 72], рассматриваемые нами как деривационные варианты, ср. фин. *turpa, turppa, turvas, turpas, turpakka* 'голавль', эст. *turb* 'го-лавль' [SKES, 1426]. Вариант *турбák* фиксируется в русских говорах Дельты Дуная, куда пришло с Северо-Запада России через посредство донских говоров¹. Вряд ли сюда относится слово *турйк* 'рыба тунец', отмеченное у казаков-некрасовцев и возводимое к тур. *torik²*.

Нередко исследование русского диалектного слова в макроструктуре русских говоров на базе выделения семантических ареалов с целью подтверждения его полисемии

¹ Гриценко И.Д. Промысловая лексика русских рыбаков дельты Дуная: Дис. ... канд. филол. наук. Кишинев, 1964.

² Сердюкова О.К. Материалы по говору казаков-некрасовцев в КСРНГ.

либо установления гетерогенной омонимии (для лексем предположительно финно-угорского происхождения) не всегда разводит гетерогенные единицы по разным территориям, особенно в тех случаях, когда одна из них тюркского происхождения. Например, слово *турік, тюрік* 'приспособление для перематывания ниток, пряжи в виде полого цилиндра, насаженного на ось' фиксируется повсеместно на Севере России, Урале, Сибири [КСРНГ], ср. вепс. *torvik, turik* 'вьюшка, на которую наматывается пряжа с воробов' [СВЯ, 587]; в то же время единица тюркского происхождения *тіўрік* 'кулек, пакет' фиксируется также на севернорусской территории в говорах Кировской, Вологодской, Ярославской, Архангельской областей, Коми АССР [КСРНГ], ср. тур. *türük* 'сверток, свиток' [Фасмер, 4, 137].

Поднятые в данной работе вопросы определения финно-угорских и тюркских источников русских диалектных слов только намечают (весьма условно) подход к этимологизированию русских неисконных лексем, когда поиски источников в какой-либо одной группе языков не должны мешать дифференцированно подходить к материалу, имеющему интердиалектную фиксацию.

Ж. Ж. Варбот

РАССМАТРИВАЯ ЗГУ

Живительным и едва ли не самым щедрым источником новых идей в современной русской этимологии является диалектная лексика. Развиваемая в предлагаемой статье гипотеза и при первой своей разработке¹ базировалась на данных (и идее!) диалектных словарей, но может быть сейчас обогащена новой аргументацией благодаря уникальным лексическим материалам, собранным в северных русских говорах коллективом кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета под руководством славного Юбиляра².

В проблеме *зги* следует различать два аспекта: происхождение слова *зга* и происхождение фразеологизма *не видно (ни) зги*, поскольку требует обоснования отождествление слова *зга* в свободном употреблении и *зга* во фразеологизме.

Фразеологизм *ни зги не видно* имеет несколько вариантов: *ни зги не видать, не видеть*, которые, очевидно, не отличаются по семантике от первого – 'ничего не видно', и сокращенные (возможно – свернутые) варианты *ни зги, ни зги нет, зги нет*. Последние также часто употребляются в значении 'ничего не видно', но иногда могут обозначать также 'ничего, нисколько': *Ни зги хлеба нет* [Даль, 1, 675]. Для объяснения происхождения фразеологизма предложено несколько гипотез³, из которых наиболее разработаны три.

Преобладает версия о связи *зги* со словом *стезя*: *зга* считается результатом упрощения (после падения редуцированных) др.-рус. *стьга* – варианта *стезя*. Наиболее подробно эта версия обоснована в статье Р. Эккерта⁴. Остановлюсь на основных аргументах в пользу и против данной гипотезы. По данным картотек «Словаря русского языка XI–XVII вв.», начи-

¹ См.: Варбот Ж.Ж. *Ни зги* // Наука и жизнь. 1983. № 5. С. 118–119; Она же. *Ни зги не видно* // Наука и жизнь. 1984. № 5. С. 140.

² Приношу свою глубокую благодарность проф. Е.Л. Березович и всему коллективу кафедры за предоставленные мне материалы диалектной картотеки.

³ См., например: Бирих А.К. и др. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокшенко, Л.И. Степанова. СПб., 1999. С. 207–208.

⁴ См.: Эккерт Р. Русская фразеология в немецкоязычной аудитории. Конфронтативно-типологический и культурно-исторический аспект // Zeitschrift für Slawistik. 1990. Bd. 35, h. 3.